

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Фрагмент из жизни Луиджи Галлеани

Рафаэль Скьявина

Если Анархистское движение существует сегодня среди итальянских иммигрантов и, если такое движение практически не подвергалось дезертирству из своих рядов вследствие Большевистской инкарнации Социализма, в значительной степени благодаря учению и примеру Луиджи Галлеани.

Другие и самые главные итальянские апостолы Анархизма, бывшие в этой стране [США]: пионер Ф. С. Мерлино, поэт Пьетро Гори, Эррико Малатеста, Джузеппе Чианкаилья, – все они впечатляющие личности с ясными умами и чистой совестью. Но их деятельность здесь, какой бы жаркой она ни была, была более или менее короткой. Напротив, деятельность Галлеани растянулась на почти двадцать лет и была отмечена непрерывным прогрессом не только его ума, но и революционного движения.

Когда он высадился на этих берегах осенью 1901 года, вскоре после расправы Чолгоша над президентом Мак-Кинли, Луиджи Галлеани был в самом расцвете своих сил.

Рафаэль Скьявина
Фрагмент из жизни Луиджи Галлеани

<https://www.katesharpleylibrary.net/d51cvp>, также
английская библиотека <https://lib.anarhija.net/library/raffaele-schiavina-a-fragment-of-luigi-galleani-s-life>

ru.anarchistlibraries.net

Десять из сорока своих лет жизни он постоянно проводил в тюрьме, в ссылке или изгнании. Его ум созрел благодаря тщательному образованию, напряженным размышлению и личному опыту. Его совесть была чиста от оппортунистической путаницы. Его убеждения были глубоко укоренены в нем самом. Гонения закалили его, избавив от страха и искушений. Он выбрал свое место в жизни, и ничто не могло отвлечь его от цели. В 1898 году он был заключен в тюрьму на острове Пантеллерия, когда политики-социалисты, которые строили козни всеми видами реакционных инструментов, задумали подчинить анархистов своей парламентской политике. После этого все Итальянские Анархисты были либо заточены на островах, либо сосланы. Если бы они согласились дать свои имена для участия в политической кампании и если бы их избрали, что было практически невозможно, то во многих случаях они были бы автоматически освобождены. Галлеани ответил на маневр социалистов за всех своих товарищей по несчастью, заявив, что тюрьмы, цепи и преследования не ослабили их веру и что, как бы больно им ни было быть оторванными от живого мира, они предпочли бы остаться и умереть, если понадобится, на Средиземноморских скалах, а не отдавать свои имена в избирательный цирк, который они презирают, и преклоняться перед флагом, который им не принадлежит. «*Manet Immota Fides*», «Вера остается неизменной» – написал он тогда на своем флаге, и его вера осталась абсолютно неизменной до самой его смерти.

Конечно, хотя они были абсолютно правдивы, когда говорили, что ничто в мире не сможет убедить их отречься от своих Анархистских убеждений или смягчить их, ни Галлеани, ни его товарищи не ожидали, что погибнут на средиземноморских скалах. Эррико Малатеста сбежал с острова Устика за несколько месяцев до этого, Галлеани – с острова Пантеллерия несколькими месяцами позже, и

одиноких прогулках по сельской местности до конца его жизни, который наступил вечером 4 ноября 1931 года.

В тот день, возвращаясь с обычной прогулки, он упал в нескольких кварталах от своего дома. Отнесенный в постель заботливыми соседями, которые, хотя и не подпускали его к себе, наверняка сочувствовали ему, он умер через полчаса. В качестве последнего оскорбления полицейский, следивший за ним после падения, отобрал у него карманную книжку, которую, как известно, он носил в кармане и которую впоследствии так и не нашли, и которая при отсутствии денег – поскольку Галлеани всегда был беден – должна была содержать записки его близких, живущих далеко и совершенно не знающих о его бедственном положении.

До последнего момента он оставался верен идеалам, которым посвятил свою жизнь. Все, кто встречал его в различных тюрьмах королевства и на острове, свидетельствуют о непоколебимости его убеждений, благородстве характера, щедрости сердца и неугасающих надеждах на будущее.

В его последнем послании к детям, адресованном также товарищам, с которыми он долгие годы не имел возможности вести прямую переписку, содержатся слова, которые можно считать его политическим завещанием: «Я живу один, безмятежный, надеющийся, уверенный скорее в том, что наступила эпоха реставраций, осуждаемых разумом, уроками истории и судьбой прогресса и свободы».

рили его к четырнадцати месяцам тюрьмы за то, что он призывал итальянских солдат к делу революции.

В тюрьме его болезнь обострилась, поэтому, когда его выпустили, через год с лишним, он был вынужден лечь в больницу. Тем временем утверждала себя фашистская диктатура. Свобода слова и печати были запрещены. Не имея возможности возобновить активную деятельность в Италии, он в 1925 году подготовил к публикации небольшую книгу об анархизме, которая была издана его товарищами в Америке под названием *La fine dell'Anarchismo?* Название: *Конец Анархизма?* указывает на полемическую форму книги, которая является энергичной защитой анархистской мысли от нападок социалистов. Кроме этой очень важной работы, он оставил большой том, возобновляющий хронику героического анархизма до 1898 года: *Faccia a Faccia col nemico* (*Лицом к лицу с врагом*) и книгу набросков первом: *Figure figurî* (*Люди и кружки*), небольшой том, содержащий его критику провоенного настроя Кропоткина и других революционеров, и, наконец, памфлеты различного характера. Многое другое ценное еще предстоит собрать из собрания отредактированных им газет.

В 1927 году его арестовали и оштрафовали за то, что он получил из Америки вложенную в конверт анархистскую газету. Позже за то же преступление он был снова арестован, затем приговорен к десяти дням тюрьмы и, наконец, отправлен на остров Липари на три года. Через несколько дней после прибытия на новое место жительства он был арестован, обвинен в злословии в адрес «Иль Дуче» (Муссолини) и приговорен к шести месяцам тюрьмы на острове.

В 1930 году ему разрешили покинуть остров. Он поселился в небольшой деревушке в Аппенинской долине и оставался там под неусыпным наблюдением полиции, которая не покидала его жилище и следовала за ним в его

все они были освобождены после расправы Бреши¹ над королем Умберто в 1900 году.

После побега из Пантеллерии Галлеани провел некоторое время в Египте, а затем, через Лондон, попал в Америку.

Глубокое знание анархистской философии, двадцатилетний опыт работы на фронте социальной войны, твердая уверенность в том, что социальная революция – это одновременно и то, чего хочет народ, и то, что он должен иметь, чтобы человеческий прогресс продолжался и цивилизация выжила, мощный ум, благородный характер, который ничего не боялся и презирал любые компромиссы, виртуозное перо с оттенком классицизма, врожденный и тщательно культивируемый ораторский талант, сделавший его непревзойденным трибуном народа, – таково было его оружие, когда он окунулся в водоворот американской жизни вслед за плутократическим империализмом, насаждавшимся старшим рузвельтовским ветренником.

Галлеани не был ассимилирован американской средой. Его возраст был слишком преклонным, чтобы он мог овладеть английским языком в свое удовольствие. Да и невозможно достучаться до людей, чей язык ты не знаешь в совершенстве. Кроме того, он был слишком большим художником, слишком скрупулезным мыслителем, чтобы позволить себе выразить свои мысли менее чем мастерски. По этой причине его появление на американской сцене остается практически неизвестным для всех, кроме итало-американского сообщества и местных полицейских архивов.

¹ Гаэтано Бреши – итальянский анархист, первый европейский цареубийца, который не был казнен по решению суда. «Я не убивал Умберто. Я убил короля. Я убил принцип» – его знаменитая фраза

Но даже если он не был поглощен американской средой, он, несомненно, хорошо понимал, как она устроена. Держась в стороне от правящих клик и от тех, кто стремился к власти, он мог видеть американскую панораму – ее прошлое, ее настоящее, ее тенденции, с точки зрения обездоленного – и, соответственно, разрабатывать свою политику, свою доктрину и отношение к ней в состоянии абсолютной независимости.

Первую остановку он сделал в Патерсоне, штат Нью-Джерси, который в то время был на пике своего развития как «очаг» анархизма. Здесь он стал редактором еженедельной газеты под названием *La Questione Sociale*. Когда разразилась знаменитая забастовка текстильщиков 1902 года, у Галлеани появилась первая возможность проявить себя как агитатора и борца. В нем не было ничего полувинчатого. Если его письменное слово могло показаться пламенным для царедворцев, то его устное слово звучало как гимн воскрешения для голодных забастовщиков. А его действия оправдывали и то, и другое. Он не был организатором. Он призывал рабочих к действию за их хлеб, за их свободу – а не ради своей личной выгоды. Когда борьба разгоралась, он просил рабочих продолжать ее, полагаться на себя, на свои объединенные усилия, чтобы заставить врага подчиниться. Он не просил их доверять свои беды его способностям как исправителя или посредника. Для себя он не просил ни положения, ни денег, ни даже признания своей философии – только просил позволить ему сражаться рядом с ними ради торжества их дела.

Такой тип лидерства не привычен для профессиональных организаторов труда, которые склонны снисходительно подходить к забастовщикам с более или менее молчаливым пониманием того, что они должны организоваться под их знаменами и дать им должность их оплачиваемого лидера. Если эти организаторы и выходят на пикеты,

шей газеты, и Галлеани, больной старик, чьих слов боялись могущественное правительство США, наконец замолчал.

В следующем году в Нью-Йорке были опубликованы еще два номера *Cronaca Sovversiva*. Галлеани гастролировал по стране вплоть до Канзаса. В мае и июне того года произошли страшные взрывы – как всегда бывает, когда подавляется свобода слова и печати, – и 24 июня Галлеани был разлучен от жены и детей и отплыл в Италию вместе с восемью своими товарищами – всеми неугодными из великой республики Уолл-стрит.

Но американское правительство еще долго будет помнить о том, как Галлеани прошел через американскую сцену. Семена, которые он посеял на этой земле, не упали на бесплодную почву. Движение, которое он так старательно возвращал на протяжении стольких лет, осталось, пусть и искалеченным. И из этого движения возник Андреа Сальседо, которого убийцы мистера Палмера выбросили из окна четырнадцатого этажа в Нью-Йорке 3 мая 1919 года; из него же возник Ванцетти, чья семилетняя мученическая смерть остается одним из самых вдохновляющих фактов современности и пятном вечного позора на истории этой кровавой плутократии.

Жизнь Галлеани в Италии была богата событиями. В 1920 году он возродил свою газету *Cronaca Sovversiva*, но после восемнадцати выпусков она снова умерла, потому что правительство преследовало его из-за некоторых нежелательных статей, и ему пришлось скрываться, чтобы избежать превентивного ареста. За три дня до того, как его должны были судить за это преступление, он явился в полицию в Турине, и 28 октября 1922 года – в тот самый день, когда король призвал Муссолини возглавить правительство – Галлеани предстал перед судом присяжных из двенадцати добропорядочных граждан, которые пригово-

Что бы ни думали об анархистском движении в Соединенных Штатах, факт остается фактом: как движение, оно понесло меньше потерь, чем любое другое революционное движение, из-за военного слабоумия. Социалисты «массово» дезертировали, следуя патриотическим стандартам воюющей демократии. Дебс остался во главе лишь горстки своих бывших последователей. Американская Федерация Труда проституировала себя перед федеральным правительством. Индустриальные Рабочие Мира пытались смягчить свою позицию, заявляя о политическом агностицизме, который был равносителен открытой оппозиции войне, не хватало только смелости заявить о себе как о таковой. Анархисты же с самого начала заняли смелую и открытую позицию против чудовищной войны.

Галлеани, как обычно, не жалел слов. Преследования вскоре обрушились на него и его газету, которой было отказано в свободе почтовой рассылки. *Cronaca Sovversiva* продолжала выходить, распространяясь другими способами. Никогда еще ни одна газета не становилась объектом такой волны солидарности. Галлеани был арестован. Газета нашла средства для того, чтобы появиться в том же виде. «Nulla dies sine linea» – таков был тогда наш девиз: «Ни дня без слова» – против войны. Галлеани был приговорен местным федеральным судом в Бостоне: он не сложил свой флаг. Затем он был снова арестован вместе с пятьюдесятью или шестьюдесятью товарищами, которые должны были получать газету по всей территории США и распространять ее среди читателей. Все они были задержаны иммиграционной службой для депортации. Это было весной 1918 года. Он остался почти один в типографии, в Линне. Все младшие товарищи были либо в тюрьме, либо скрывались. Гончие мистера Палмера в последний раз забежали в типографию, украли бланки только что вышед-

то делают это в рекламных целях и только при условии, что их сопровождает тщательно продуманная атрибутика: громкие барабаны, фотографы на катушках, репортеры, защитники и другие подобные аккомпанементы. Галлеани был тем самым лидером, который отличает крестоносца и пугает соискателей работы.

18 июня, ведя забастовщиков, они вступили в бой с вооруженными полицейскими. Они мужественно сражались. Галлеани едва удалось спастись, получив рассечение на лбу и пулю в верхнюю губу. Полиция Патерсона была в бешенстве, пытаясь схватить его. Но ему удалось бежать и укрыться в Канаде, откуда в следующем году он под чужим именем приехал в Барре, штат Вермонт. Там он основал еженедельную анархистскую пропагандистскую газету *Cronaca Sovversiva* (*Подпольная Хроника*), которая позже была перемещена в Линн, штат Массачусетс. Его личность была публично раскрыта политиком-социалистом Дж. М. Серрати, сменившим Муссолини на посту редактора официального органа итальянской революции 1919 года. 30 декабря 1906 года Луиджи Галлеани был арестован в Барре, штат Вермонт, экстрадирован в Нью-Джерси и через несколько месяцев предстал перед судом в Патерсоне за свое участие в забастовке 1902 года. Впоследствии его дело было прекращено из-за разногласий присяжных.

С 1903 по 1918 год Галлеани редактировал *Cronaca Sovversiva*, газету, которая была постоянным источником информации, энтузиазма, смелости и дискуссий. В нее Галлеани вложил свои обширные знания и редкие способности. Он сделал ее зеркалом своей души, которая сама была зеркалом мук, терзаний и надежд обездоленных. В течение пятнадцати лет эта газета имела неоспоримое влияние не только на анархистское движение, но и на все революционное движение итальянского сообщества в Америке. Она вдохновляла движение, которое, вероятно,

было не очень многочисленным, но в высшей степени отборным. Его члены имели четкое представление о том, каким должен быть анархизм, что он должен делать, и старались действовать в соответствии с этим. Они не тратили время на погоню за неуловимыми химерами текущих достижений в любой области. Они представляли себе анархизм как боевую борьбу за ликвидацию современного угнетения и эксплуатации – помимо их личной сиюминутной потребности в приобретении знаний. Они не хотели тратить время на завоевание или создание рабочих организаций только для того, чтобы быть аннигилированными ими. Вместо этого они стремились всегда быть на первых ролях в повседневной борьбе за защиту свободы и социальной справедливости. Новый мир мог возникнуть только в результате полного разрушения старых учреждений, основанных на привилегиях и принуждении.

Сам Галлеани подавал пример на словах и на деле. Его конечной целью был анархический коммунизм, более или менее соответствующий философии Кропоткина. Однако он знал, что прежде, чем конечная цель будет реализована, необходимо многое сделать, чтобы проложить путь к ней. Поэтому он больше настаивал на деталях общественного устройства, которого очень страстно желал, но вряд ли мог надеяться, что приложит руку к его формированию. «Наши дети позаботятся об этом», – говорил он. «Наша задача – завещать им среду, как можно более свободную от помех частной собственности и политической власти. Свободное строительство невозможно, если ему не предшествует основательное разрушение».

Он несколько раз объехал страну от океана до океана, щедро распространяя добре семя бунта и анархизма и оставляя после себя глубокое пробуждение сочувствия, солидарности и энтузиазма в отношении дела. Опять же,

никакой формальной организации. Со всех сторон люди делали все возможное, чтобы создать новые порядки и новые тяготы для угнетенных толп в дополнение к старым. Но не он. Его цель – пробудить независимые умы, сформировать твердые характеры, дать сознание суровым волям. Ему не нужна была формальная приверженность ни его личности, ни бумаге, ни даже идеям. Он чувствовал, что движению нужны прежде всего мужчины и женщины с твердыми убеждениями, глубоко убежденные в правильности анархистского идеала, в том, что его газета дает подлинную интерпретацию этого идеала. Он пытался сформировать такие характеры и сознание, уверяя, что, если бы ему это удалось, то с ним или без него анархистское движение получило бы новые реальные силы, более прочное положение в обществе, чем могла бы дать любая прежняя организация. Как только анархисты появились ко-операция между ними стало естественным и неизбежным следствием. Дела такой кооперации будут почти механически вытекать из общего побуждения всех и каждого к действию.

Вот вкратце концепция Галлеани об анархизме как действующей силе. Движение высокосознательных личностей, точно знающих, чего они хотят и как этого добиться, каждый всегда при своем мнении, привязанных к общим действиям единством цели, сотрудничающих из спонтанного порыва и глубокого убеждения, что они действуют на благо общего дела, а не ради какой-либо дисциплины – если бы это вообще называлось классовой дисциплиной. То, что такая концепция соответствовала анархистской философии, очевидно. То, что она должна была дать хорошие результаты на практике, было доказано, когда меняющиеся обстоятельства американской сцены привели ее к великому испытанию борьбой против войны.